

Исторический вестник

1883 том 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И90

И90 Исторический вестник: 1883 том 12 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 847 с.

ISBN 978-5-517-93248-8

Учено-литературный журнал, издавался с 1878 по 1880 г. ежемесячно. В состав журнала входили отделы: беллетристический, преимущественно исторического содержания, и научный по истории, этнографии и археологии. Редактор-издатель П.В. Полежаев. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1883 года

ISBN 978-5-517-93248-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Съ гравированнаго портрета Алексѣева. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 ФЕВРАЛЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.

(Литературная характеристика).

«Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого-же мы будемъ помнить?» (Пушкинъ. 1823 г. Письмо къ Бестужеву. «Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1209).

«Картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться въ слѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ». (Пушкинъ. 1833 г. «Мысли на дорогѣ. VIII. Мѣдное». Соч. II-на, изд. 1881 г., V, стр. 227).

«Путешествіе въ Москву... есть... очень посредственное произведеніе, не говоря даже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны». (Пушкинъ. 1836 г. «Александръ Радищевъ». Соч. Пушкина. V, стр. 358).

«Въ ней (т. е. въ книгѣ Радищева) есть нѣсколько благо-разумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній». (Тамъ же, стр. 359).

«Не можемъ въ немъ не признать... политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». (Тамъ же, стр. 354).

«Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу

И милосердіе воспѣлъ.

(Пушкинъ. 1836 г. Одинъ изъ вариантовъ «Памятника» См. кн. «А. С. Пушкинъ. I. М. 1881 г.» Прилож.).

ПРИВЕДЕННЫЕ эпитафии изъ Пушкина показываютъ, какъ противорѣчивы и неясны были разновременныя и даже одновременныя воззрѣнія великаго писателя на Радищева. Эти колебанія мысли поэта служатъ прекраснымъ выраженіемъ неясности взглядовъ русскаго общества и русской литературы на автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ у насъ борются восторженныя симпатіи къ нему съ несочувственнымъ

на него взглядомъ; до сихъ поръ совершенно не выяснена мѣра вліянія на него иностранныхъ идей, съ которыми онъ освоился во время своего ученія за-границей; до сихъ поръ остается въ тѣни вопросъ—было ли въ немъ и его сочиненіяхъ что-нибудь народное, русское.

Попробуемъ внести нѣкоторый свѣтъ въ этотъ открытый вопросъ объ извѣстномъ писателѣ, не вдаваясь, впрочемъ, въ подробное изслѣдованіе его жизни и литературной дѣятельности.

Сочиненія Радищева замѣчательны не только по своей печальной судьбѣ, но и потому еще, что въ нихъ мы видимъ выраженіе самыхъ противуположныхъ и даже противорѣчащихъ идей. Воспитаникъ германскаго университета, знакомый близко со всею мудростью XVIII-го вѣка и увлеченный ею, Радищевъ былъ въ то-же время коренной русской человѣкъ въ душѣ. Не было въ екатерининскую эпоху ни одного писателя, въ дѣятельности котораго замѣчалось бы такое необыкновенное смѣшеніе разнородныхъ направленій, въ душѣ котораго уживались бы такъ странно идеи, заимствованныя изчужа съ инстинктами и мыслями непосредственнаго русскаго человѣка, уживались не сливаясь въ одно стройное міросозерцаніе и не уступая мѣста другъ другу, а какъ-то постоянно борясь, безъ всякаго перевѣса въ ту или другую сторону, причемъ объ этой борьбѣ не зналъ (т. е. не сознавалъ ее ясно) самъ носившій ее въ душѣ ¹⁾.

Главное изъ сочиненій Радищева—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ сочиненіи этомъ есть изумительныя противорѣчія, чрезвычайныя странности, которыя и служатъ, конечно, причиной неяснаго пониманія личности Радищева и которыя, по всей вѣроятности, также были главной причиной опалы на него. Но объ этомъ послѣ. Прежде всего остановимся на главномъ содержаніи «Путешествія».

Книга эта есть собственно рядъ публицистическихъ статей о различныхъ предметахъ: о литературѣ, цензурѣ и, главнымъ обра-

¹⁾ Главныя сочиненія о Радищевѣ и матеріалы для его биографіи:

«Рус. Вѣстн.» 1858 г. № 28. «А. Н. Радищевъ». Ст. сына его Павла, съ примѣчаніями Лонгинова.

«Библиогр. Зап.» 1859 г. № 17. Ст. Лонгинова «Рус. студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проэктѣ Радищева».

«Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей». 1865 г., кн. 3.

«Архивъ кн. Воронцова». Кн. V и XII.

«Вѣстн. Евр.» 1868 г. № 5. Ст. А. Н. Пыпина «Крыловъ и Радищевъ». Тамъ же № 7. Ст. А. П-на объ изданіи «Путешествія» въ 1868 г. Шигинимъ.

Исслѣдов. В. Е. Якушкина «Судь надъ рус. писателемъ въ 18 в. Къ биографіи Радищева» («Рус. Старина». 1882 г., сент.).

Предполагавшееся изданіе сочиненій Радищева подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872 г.

зомъ, о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ. Отдѣльныя главы сочиненія носятъ названія различныхъ станцій между Петербургомъ и Москвою.

Радищевъ яркими, и можетъ быть нѣсколько грубыми и рѣзкими, чертами рисуетъ тяжелое, безотрадное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: непомѣрность ихъ труда, безправіе ихъ, бѣдность, жестокость помѣщиковъ.

Участь помѣщичьяго крестьянина гораздо тяжелѣе судьбы крестьянина государственнаго. Въ главѣ «Любань» Радищевъ рассказываетъ, что видѣлъ крѣпостныхъ, работающихъ на помѣщика шесть дней, а на себя только въ праздники.

«Сравниль я (говоритъ онъ) крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьями. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что хочетъ ихъ господинъ. Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы»¹⁾.

Въ главѣ «Вышній Волочекъ» авторъ обращается къ своему читателю:

«Не потомъ-ли, не слезами-ли и стenanіемъ угучнялись нивы, на которыхъ хлѣбъ выросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ классовъ родившихся на нивѣ, казенной называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ оброкъ своему помѣщику платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежащаго въ житницѣ дворянской. На немъ почилъ скорбь и отчаяніе, на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвъ Своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ» (стр. 271).

Въ этой-же главѣ рассказывается о помѣщикѣ, который лишилъ крестьянъ и «малаго участка» земли для того, чтобы они постоянно работали только нанего.

«Варваръ! (воскликаетъ Радищевъ) не достоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кто его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ и считаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи?» (стр. 275).

Въ «Черной Грязи» Радищевъ видѣлъ свадьбу, совершаемую противъ воли брачующихся, по самовластію помѣщика.

«И сіе называется (воскликаетъ онъ) союзомъ божественнымъ! и богоуленіе сіе остается на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!» (стр. 417).

Въ главѣ «Мѣдное» (къ которой сочувственно отнесся Пушкинъ) Радищевъ повѣствуетъ о томъ, какъ продавался домъ дворянина и вмѣстѣ съ домомъ 6 человекъ крестьянъ, между которыми были:

«старикъ лѣтъ 75, унесшій на плечахъ изъ строю раненаго своего господина и сдѣлавшійся потомъ дядькою своего молодаго барина; старуха 80 лѣтъ,

¹⁾ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». 1790 г. въ Санктпетербургѣ. Стр. 18.

кормилица матери своего молодого барина; молодца 18 лѣтъ, обезцѣненная господиномъ, которая держала на рукахъ младенца, плодъ обмана и насилия, но живой слѣшокъ прелюбодѣйнаго отца».

Радищевъ указываетъ на то, что крестьяне, какъ онъ выражается, «мертвы въ законѣ», имъ запрещено жаловаться на помѣщиковъ. Въ мѣстечкѣ «Едрово» путешественникъ слышалъ разсказъ, какъ во время пугачевского бунта крестьяне тащили на судъ Пугачева помѣщика, омерзившаго 60 дѣвицъ.

«Глупые крестьяне! (говоритъ онъ) вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто вы не повѣдали сего законнымъ судьямъ вашимъ! Они бы предали его гражданской смерти и вы бы невинны остались. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнитъ и дастъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. Но крестьяне въ законѣ мертвы» (225).

Эту-же мысль авторъ развиваетъ въ главѣ «Пешки»:

«Помѣщикъ въ отношеніи крестьянина (поясняетъ онъ) есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истрецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ» (стр. 414).

Для полноты картины крестьянской жизни Радищевъ, въ той-же главѣ «Пешки», описываетъ курную избу и рисуетъ бытъ крѣпостнаго человѣка. Пушкинъ отнесся къ этому какъ къ карикатурѣ, и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что авторъ «Путешествія» впалъ въ преувеличеніе, обобщивши частный, мѣстный фактъ. Но признать этотъ фактъ ложью, конечно, нельзя.

«Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянской избы (говоритъ Радищевъ). Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимой и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустые штѣ); деревянная чашка и кружикъ тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скобятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотать воздухъ, въ коемъ горячая свѣча какъ будто въ туманѣ кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на укусѣ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, опучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества».

«Звѣри алчные, піянные ненасытныя! (заканчиваетъ Радищевъ негодующимъ восклицаніемъ эту печальную картину). Что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъземлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Законъ запрещаетъ отнять у него жизнь. Но сколько способовъ отнять ее у него постепенно; съ одной стороны почти всеисиле, съ другой—немошь беззащитная» (стр. 412—414).

Какъ неизбежный и необходимый выходъ изъ невозможнаго положенія, созданнаго крѣпостнымъ правомъ, Радищевъ предлагаетъ въ главѣ «Хотилловъ» проэктъ освобожденія крестьянъ. Онъ указываетъ на грозящую Россіи безъ этой мѣры возможность народныхъ возмущеній; онъ напоминаетъ пугачевскій бунтъ.

«Прельщенные грубымъ самозванцемъ (говоритъ онъ про возмущившихся тогда крестьянъ) текутъ ему во слѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ влстителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе» (стр. 261).

Какой-же это проэктъ Радищева? Какіе онъ указываетъ пути освобожденія?

Императрица Екатерина думала, что Радищевъ хотѣлъ возмущенія крестьянъ. На справедливость такого подозрѣнія повидимому намекаетъ мысль, мимоходомъ высказанная въ главѣ «Мѣдное», что свободы крестьянъ можно ждать не отъ помѣщиковъ, а отъ самой тягости порабощенія.—Но не эта мысль (притомъ же не совсѣмъ и ясная) проведена въ проэктѣ, далеко отъ революціонныхъ стремленій.

Радищевъ ждалъ и желалъ освобожденія крестьянъ силою верховной власти; онъ былъ увѣренъ, что наши государи понимали необходимость освобожденія и желали его.

«Мудрые правители нашего народа (говоритъ онъ), истиннымъ подвизаемы челоѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣль стоглавному сему злу (т. е. рабству). Но державные ихъ подвиги утщетились извѣстнымъ тогда гордымъ своими преимуществами въ государствѣ нашемъ чиновостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наследственнымъ» (стр. 240).

Замѣчательно, что и противъ дворянства, враждебнаго, по его мнѣнію, освобожденію, Радищевъ не хотѣлъ дѣйствія одной силы; онъ пытается повліять на «сердце дворянина».

Онъ, какъ увидимъ, придавалъ большое значеніе въ жизни челоѣка чувству; въ предисловіи къ своему «Путешествію» онъ говоритъ, что книга его написана именно съ цѣлью (и прибавимъ— съ надеждою, а можетъ быть и съ увѣренностію) повліять на сердце помѣщиковъ.

«Неужели мы будемъ чужды (обращается онъ въ проэктѣ къ своимъ собратьямъ по сословію) ощущенію челоѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды вѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнія, и оставимъ на глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства третью цѣлую общиниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжелыхъ узахъ рабства и неволи?»

Онъ называетъ «звѣрскимъ» обычаемъ поработать себѣ подобныхъ, говоритъ, что обычай этотъ родился въ знойныхъ странахъ Азіи и недостойнъ насъ, славянъ, сыновъ славы; онъ воспринялъ нами, когда мы поражены были «мракомъ невѣжества», но къ стыду прошедшихъ вѣковъ, къ стыду нынѣшняго разумнаго времени, удержался и до сего дня.

Крѣпостное право вредно не только для крестьянина, но и для помѣщиковъ:

«Нѣтъ ничего вреднѣе (пишетъ Радищевъ), какъ всегдашнее на предметы рабства возвращеніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой—робость».

Радищевъ полагалъ, что освобожденіе крестьянъ, имѣющее совершиться волею верховной власти, должно быть соединено съ земельнымъ надѣломъ.

«Коліко мы удалились (читаемъ въ проэктѣ) отъ первоначальнаго общественаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣеть къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чуждую зрять пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго!» «Кто-же въ нивѣ ближайшее имѣеть право, буде не дѣлатель ея?» (стр. 245).

Освобожденіе, по мысли друга Радищева (отъ лица котораго предлагается проэктъ), должно быть выполнено не разомъ, а съ нѣкоторою постепенностью, чтобы не быть насильственнымъ, потому что «вышняя власть не достаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно». Автору проэкта хочется, значить, чтобы дворянство участвовало въ освобожденіи не однимъ своимъ противоудѣльствомъ. Путь правительственныхъ мѣропріятій предлагается такой: прежде всего надо остановить дальнѣйшее развитіе рабства, для чего должно раздѣлить крестьянъ на сельскихъ и домашнихъ (т. е. дворовыхъ) и запретить «поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ дома», подѣ страхомъ освобожденія. Затѣмъ надо дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ не испрашивая на то согласія господина. Далѣе, слѣдуетъ признать собственностью крестьянъ «удѣлъ земли ими обрабатываемой» и «надлежитъ крестьянину судиму быть равными ему». Потомъ, какъ послѣдній шагъ передъ полнымъ и обязательнымъ освобожденіемъ, должно крестьянину «дозволить приобретать землю и вольность, платя господину за отпускную извѣстную сумму». Наконецъ законодатель уничтожить совершенно рабство; Радищевъ влагаетъ въ уста его будущее восклицаніе: «Исчезни варварское обыкновеніе, разрушья власть тигровъ!»

Такова сущность мыслей Радищева о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи. Автору настоящей статьи могутъ возразить, что въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» есть идеи другаго рода, не вяжущіяся съ приведенными положеніями и выписками, идеи революціоннаго характера, которыя и были, вѣроятно, главною причиною осужденія книги. Возраженіе это будетъ въ значительной мѣрѣ справедливо, и авторъ уже оговорился, что книга Радищева исполнена странныхъ противорѣчій. Но объ этихъ противорѣчійхъ рѣчь впереди. Прежде всего надо выяснить одинъ порядокъ мыслей разбираемаго писателя.

Передъ нами теперь опредѣленный взглядъ Радищева на крѣпостное право и его проэктъ освобожденія крестьянъ. Спрашивается: этотъ взглядъ и этотъ проэктъ навѣяны иностранными идеями, освободительной философіей XVIII-го вѣка, съ которой Радищевъ былъ знакомъ? или явились изъ глубины русской души нашего писателя, изъ его наблюденій надъ русской дѣйствительностью?

Едва ли слѣдуетъ колебаться въ отвѣтѣ. Можно признать, конечно, основательнымъ замѣчаніе г. Алексѣя Н. Веселовскаго въ его книгѣ «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», что Радищеву однимъ изъ поводовъ «къ рѣзкимъ обличительнымъ картинамъ стариннаго помѣщичества и крестьянскаго безправія» послужило сочиненіе аббата Рейналя «Исторія обѣихъ Индій» (только это, разумѣется, не единственный поводъ, какъ думаетъ г. Веселовскій); можно признать, что на внѣшнюю форму «Путешествія въ Москву», на юморъ и чувствительность его повліяло «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Но основы взгляда Радищева на освобожденіе крѣпостныхъ людей, на путь этого освобожденія, очевидно, не заимствованы изъ Европы (Самъ г. Веселовскій, при всемъ своемъ западничествѣ, ставитъ Радищева выше Стерна и Рейналя). Корифеи французской литературы XVIII-го столѣтія, выразители мысли своей эпохи думали совсѣмъ иначе объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ нашъ писатель.

Радищевъ хотѣлъ освобожденія волею верховной власти и притомъ съ надѣломъ землею (т. е. того, что дѣйствительно и совершилось въ наши дни).

Вольтеръ въ своемъ сочиненіи, присланномъ въ Петербургское Вольное Экономическое Общество на конкурсъ по вопросу о земельной собственности крестьянъ ¹⁾, говоритъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію рабовъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю, на ихъ усмотрѣніе; и во всякомъ случаѣ (утверждаетъ онъ) въ государствѣ должно быть сословіе, все богатство котораго состоитъ лишь въ рукахъ предназначенныхъ для работы.

Радищевъ предлагалъ начать освобожденіе тотчасъ же, считая рабство опаснымъ. Руссо (въ своемъ проэктѣ освобожденія въ «*Cop-sidérations sur le gouvernement de Pologne*») напротивъ выражалъ мысль, что освобожденіе опасно и что слѣдуетъ рабовъ прежде приготовить образованіемъ къ принятію вольности, слѣдуетъ прежде «освободить души» крестьянъ, а потомъ уже тѣла.

Интересно, что въ проэктѣ Радищева, въ его мысляхъ вообще о крѣпостномъ правѣ есть нѣкоторое сходство съ запиской Ю. О. Самарина «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ», запиской, которая играла такую большую роль въ дѣйствительной жизни. Не говоря уже объ основныхъ положеніяхъ реформы, сходство замѣчается и въ подробностяхъ. Самаринъ развивалъ мысль, что крѣпостное право вредно не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ; мы видѣли у Радищева намекъ на то-же. Самаринъ доказывалъ, что оброчное положеніе легче

¹⁾ «Отеч. Зап.» 1880 (?) г. №№ 10—12. Ст. В. И. Семевского «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II».

барщиянаго; то-же говорилъ Радищевъ. Самаринъ предлагалъ начать реформу съ остановленія дальнѣйшаго развитія крѣпостнаго права, между прочимъ съ запрещенія переводить крестьянъ съ земли во дворъ; мы видѣли то-же у Радищева (Славянофилы отказались, впрочемъ, потомъ, какъ извѣстно, отъ постепенности въ реформѣ). Разумѣется только, что то, что у Самарина развито глубоко и подробно, у Радищева является лишь въ видѣ намековъ, порой довольно неопредѣленныхъ.

Несмотря на все вышесказанное, несомнѣнно, однако, что Радищевъ находился подъ сильнымъ влiянiемъ иностранныхъ идей. Какъ извѣстно, онъ былъ въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтiя посланъ, вмѣстѣ съ Кутузовымъ, Ушаковымъ и другими молодыми людьми, въ Лейпцигскiй университетъ «для обученiя на казенномъ иждивенiи».—Въ одномъ изъ своихъ сочиненiй, именно въ «Житiи Ушакова» ¹⁾, Радищевъ рассказываетъ, что нѣкто Ѡ. возбудилъ въ немъ страсть къ чтенiю, давъ книгу Гельвеція «О разумѣ» (De l'esprit):

«Мы читали... сiю книгу, читали со вниманiемъ, и въ оной мыслить научилися».

Конечно, послѣ Гельвеція принялись наши юноши и за другихъ философовъ XVIII-го вѣка.—Влiянiе этихъ мыслителей, и свѣтлой, и темной стороны ихъ ученiя (преимущественно послѣдней), очень замѣтно во всѣхъ сочиненiяхъ Радищева. Это влiянiе (кромѣ дѣйствiя на «Путешествiе въ Москву» названныхъ выше сочиненiй Стерна и Рейналя) сказывается: въ скептицизмѣ нашего писателя, въ педагогическихъ его идеяхъ, въ проводимой имъ теорiи эгоизма, въ цинизмѣ и т. д.

Скептицизмъ выразился и въ философскомъ сочиненiи Радищева «О человѣкѣ, его смертности и безсмертiи», и, можетъ быть, еще сильнѣе въ «Путешествiи»: съ сомнѣнiемъ смотритъ здѣсь нашъ авторъ на Ветхiй Завѣтъ, на церковное преданiе, на древнюю исторiю.—Въ главѣ «Торжокъ» онъ высказывается враждебно противъ вселенскихъ соборовъ и противъ духовенства.

«Священнослужители (говоритъ онъ) были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчались въ разныя времена разумъ человеческiй... они подстригали ему крыльи, да не обратитъ полетъ свой къ величiю и свободѣ» (стр. 306).

Вселенскiе соборы «у истины отнимали сильную опору—различiе мнѣнiй, прѣвнiя и невозбранное мыслей своихъ изрѣченiе».

«Мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенiю Никейскаго собора, предавшему Ариево ученiе проклятiю, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженiе, а того, кто оныя книги имѣтъ будетъ, на смерть. Импе-

¹⁾ Полн. Собр. соч. Радищева, 1806—1811 гг., т. V.